Статьи. Теория

Даниил Кузнецов

Концепция «поведения закона» Дональда Блэка: рождение чистой социологии из духа криминальной статистики

В статье впервые в отечественной социологии предпринимается попытка систематически изложить историко-научный и социальный контекст, теоретические основания и ресурсы концепции Дональда Блэка, имеющей определяющее значение для современной социологии права. Автор описывает становление проекта «чистой социологии» и то, каким образом Блэк интегрирует в него классическое наследие социальной теории. Особое место в статье уделено эпистемологическим предпосылкам концепции, в первую очередь элиминированию психологизма и телеологии из объяснительной модели. Автор показывает, что итогом работы Блэка становится модель социальной геометрии, позволяющая объяснить и предсказать поведение любых социальных феноменов как квантифицированных натуральных явлений. В заключение автор анализирует концепцию «поведения закона», которая демонстрирует применимость чистой социологии и социальной геометрии к исследованиям права и правоприменения.

Daniil Kuznetsov
Donald Black's Concept of «Behavior of Law»: Birth of Pure Sociology from the Spirit of Crime Rates

This article is the first attempt to represent and systematically explain in a Russian sociology the historical and social context as well as the epistemological foundations and theoretical resources, which have become the groundwork to ongoing development of new paradigm in social

Кузнецов Даниил Александрович — дипломированный специалист в области клинической психологии и психофизиологии (Ростовский государственный университет, сейчас Южный федеральный университет). E-mail: dkuznetsov@eu.spb.ru.
Daniil Kuznetsov — specialist degree with honors (equals M A degree) in Clinical Psychology and Psychophysiology (Southern Federal University). Research interests: science and technology studies, social and cultural history of science and technology, technology in law enforcement (especially lie detection), pure sociology. E-mail: dkuznetsov@eu.spb.ru.

sciences — «pure sociology» by the well-known American sociologist Donald Black. Author starts from Black's early works and coherently shows how Black developed the pure sociology through the first two decades of his career. Author reveals the Black's approach to classic theoretical legacy of sociology. A significant part of the paper is devoted to the epistemological presuppositions of the Black's theoretical construction. Special emphasis is put on the elimination of psychology, teleology and human itself from sociological explanation. The Black's final theoretical outcome was the geometric model of social space, a kind of «periodic table» allowing to explain and predict the behavior of any social phenomena as a quantified natural phenomenon. In the final section, the author describes the conception «Behavior of Law» showing how to pure sociology and social geometry can be used by researchers in the law and law enforcement studies.

Введение

В специальном номере «The American Sociologist», посвященном социологии права, профессор Йельского университета Мэри Баумгартнер отмечает, что американские социологи сделали два важнейших вклада в развитие дисциплины. Первый — это множество скрупулезных эмпирических исследований юридической системы США и других стран.

Второй и, по мнению Баумгартнер, более значительный вклад — разработка Дональдом Блэком «мощной и предельно общей научной теории, способной объяснить и предсказать множество зафиксированных в эмпирических исследованиях наблюдений, — „чистой социологии“ закона» [Baumgartner, 2001, p. 99].

Баумгартнер отмечает, что в американской науке долгое время существовал дисбаланс между множеством эмпирически установленных фактов и их теоретическим осмыслением. В лучшем случае использовались ресурсы европейских теоретиков XIX — первой половины XX века с присущими им «грехами»: абстрактностью, практической неверифицируемостью и бесполезностью для полевых исследователей. Блэк же смог создать «эмпирическую теорию, способную обобщить и подвести основание под множество уже обнаруженных феноменов, и стать путеводителем для будущих изысканий» [Baumgartner, 2001, p. 102].

Схожего мнения придерживается профессор Хавьер Тревиньо: «Блэк, вероятно, сделал больше чем кто-либо еще для теоретической разработки социологии права, а также создал за последние два десятилетия метатеоретическую парадигму для этой области (а в действительности и всей социологии вообще). Эта парадигма — „чистая социология“ права — концептуализирует закон как полностью социальный феномен и элиминирует любую „человекоцентричность“» [Treviño, 2001, p. 6].

Работы Блэка, в первую очередь его *opus magnum* «Поведение закона» («The Behavior of Law», 1976), запустили обширную программу эмпирических исследований. По подсчетам Джозефа Михальски, с 1979 по 2006 г. проведены 72 исследования, тестировавших различные аспекты чистой социологии (из них большинство изучали поведение закона — 45 работ). В 82% случаев теоретические положения Блэка находили эмпирическое подтверждение, в 7% получены смешанные результаты и лишь в 11% случаев соответствие теории фактам оказалось слабым или его не наблюдалось вовсе[1] [Michalski, 2008, p. 261].

Очевидно, что Блэк — одна из самых значительных фигур в американской и мировой социологии права. При этом его притязания на создание новой «чистой социологии» — парадигмы, элиминирующей персоналистские, индивидуалистические или социально-психологические концепты и объяснения, и вообще человека как такового[2] — получили неоднозначную оценку социологического истеблишмента. Некоторые социологи, например, Рэндалл Коллинз или Джонатан Тернер, приняли идеи Блэка [Collins, 2002; Turner, 2002]. Другие, например, Дуглас Маршалл и Стивен Тернер, дали жесткую отповедь в номере The Sociological Quarterly, который вышел с подзаголовком: «Чистая социология: критика и взаимообмен» [Marshall, 2008; Turner, 2008].

Как бы то ни было, вклад Блэка в социологию признан, его идеи провоцируют дискуссии, хотя в России его работы остаются малоизвестными. Цель этой статьи — восполнить существующий пробел.

Для этого я проведу экспликацию эпистемологических оснований, теоретических ресурсов, историко-научного и социального контекста, в которых развивались идеи Блэка. Мы проследим, как оттолкнувшись от эмпирического материала, Блэк уходит от традиционного рационального легализма, критикует теорию стигматизации, а затем переосмысливает теории контроля и методологию «закон в действии» сквозь призму радикальных сциентистских установок[3]. В заключение я продемонстрирую итог этого пути: кон-

1 Примечательно, что во всех случаях это были работы, касающиеся именно поведения закона.

2 В настоящий момент Блэк работает над книгой, которая так и называется — «The Death of the Person: An Introduction to Pure Sociology».

3 Легализм — тенденция рассматривать право как свод кодифицированных, логически непротиворечивых норм и положений вне привязки к социальному контексту их реализации. Теории стигматизации и контроля — доминирующие в социологии права подходы к определению причин и механизмов девиантного и конформного поведения. «Закон в действии» — методологиче-

цепцию «поведения закона», которая претендует на объяснение любых социальных феноменов.

Антрополог в патрульном автомобиле

Работая в конце 1960-х на юридическом факультете Йельского университета, Дональд Блэк попал в команду Альберта Рейсса-младшего — одного из крупнейших социологов права своего времени. В 1965 г. Рейсс возглавил исследовательскую группу при Президентской комиссии по правоприменению и отправлению правосудия (President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice), созданную для повышения эффективности борьбы с преступностью[1]. В ее рамках Рейсс запустил программу изучения поведения полиции, впервые применив метод прямого наблюдения. В трех самых криминогенных городах США — Бостоне, Чикаго и Вашингтоне — 36 наблюдателей сопровождали случайно выбранные полицейские патрули на протяжении всей рабочей смены. В совокупности проведены и задокументированы 11 255 наблюдений за поведением граждан в 5360[2] инцидентах [In Memoriam: Albert J. Reiss Jr., 2006]. К полевой работе и анализу данных Рейсс привлек молодого Блэка.

Первые публикации Блэка написаны в соавторстве с Рейссом и носят описательный характер в духе характерных для первой половины XX века традиций «правового реализма» или «социологической юриспруденции». Их общий гносеологический пафос можно выразить в формуле: необходимо прояснить, «как абстрактные, зафиксированные в сводах и кодексах положения закона работают в реальной жизни, или закон в действии» [Reiss, Jr., Black, 1967a; 1967b; 1970].

Однако именно этот период стал поворотным для научной карьеры Блэка. По всей видимости, колыбелью чистой социологии закона стал патрульный полицейский автомобиль.

ский принцип, противоположный легализму, требующий рассматривать право в конкретных социальных условиях его реализации.

1 По всей видимости, импульс дала волна возмущения, вызванная убийством Дж. Ф. Кеннеди. Комиссия проработала больше двух лет и подготовила в 1967 г. обширную аналитическую записку, в которой содержалась оценка уровня преступности в США того времени, предложения по контролю над преступностью, включая программу реорганизации полицейских участков и ряд реформ правоохранительной системы (например, искоренение плохого обращения с малолетними правонарушителями).

2 По другим данным, 5713 [Black, 1970, p. 736].

Работая в качестве полевого наблюдателя, Блэк сутками находился с полицейскими в их патрульных машинах. До этого не сталкивавшийся с работой правоохранителей, он стал антропологом в чуждом племени, наблюдавшим за рутинной деятельностью его членов, связанной с разрешением конфликтов между другими, посторонними им людьми[1]. Стремясь расширить антропологическую компетенцию и накапливая эмпирический материал, Блэк стал уделять больше внимания способам управления конфликтами в различных сообществах. Свои наблюдения он поместил в широкий антропологический и исторический контекст, сравнивая и обобщая множество случаев реализации права в реальной жизни.

В последней статье, написанной в соавторстве с Рейссом, Блэк проблематизирует понятие девиантного поведения [Reiss, Jr., Black, 1970]. Здесь он делает первое теоретическое обобщение, хотя все еще опирается на старые персоналистские методологические установки. В статье Блэк оппонирует «классическим легалистам», утверждающим, что девиантное поведение — это любые действия, нарушающие социальные нормы, формально прописанные в законах, или же неформальные обычаи[2]. По мнению Блэка, «девиантное поведение — это тип индивидуального или группового поведения, для которого существует вероятность негативных санкций после того, как оно будет обнаружено» [Ibid, p. 63].

Таким образом, девиантное поведение перестает быть устойчивой категорией, одинаково проявляющейся и интерпретируемой во всех возможных ситуациях. Оно есть динамическая конструкция, включающая множество переменных, вероятность реализации и способ сборки которых в каждый конкретный момент зависит от ситуативных факторов. Или, иначе, квалификация по-

1 Здесь можно найти немало сходства с исследованиями лабораторной жизни Бруно Латуром. Последний тоже наблюдал за жизнью и деятельностью ученых в лаборатории из отстраненной позиции антрополога. Однако если Латур сознательно эксплуатировал такой подход, то в случае Блэка он во многом был обусловлен случайным стечением обстоятельств.

2 Девиантным в этом случае поведение становится не в соответствии с его фактическим содержанием, а на основании реакций или оценок других людей по его поводу. Появление обнаженным на нудистском пляже будет вполне себе конформным действием, то же самое поведение на центральном городском пляже вызовет осуждение, а то и привод в полицию. Однако, и это отличает Блэка от представителей теорий стигматизации, существуют условия, в которых даже появление обнаженным на центральном пляже не повлечет никаких санкций. Либо их уровень будет совершенно разным для разных людей. Иначе говоря, на определенный тип поведения люди однозначно будут реагировать как на девиантное, но степень их реакции и ее последствия в виде санкций будут разными.

ведения как девиантного есть вероятностная функция, в которой аргументами будут те или иные значения на осях координат, соответствующие социальным условиям.

На обнаружение влияют такие переменные, как приватность/публичность поведения, одобряемость/неодобряемость ближайшим окружением и т. д. В случае санкций ситуация становится гораздо более сложной и изощренной[1]. В общем случае мы имеем три класса ситуаций: а) необнаруженное девиантное поведение; б) обнаруженное, но не повлекшее санкций; в) обнаруженное и повлекшее санкции. Только последний вариант есть девиантное поведение в полном смысле этого слова.

Блэк также вводит дополнительные теоретические различения. Первое касается официального (со стороны аппаратов государства) и неформального внутригруппового обнаружения и санкционирования[2] девиантного поведения. Здесь он оспаривает традиционное для американской социологии того времени представление, что социальный контроль девиантного поведения есть реализация контроля со стороны официальной (государственной) системы. Второе различение разводит акт девиантного поведения и персону действующего. Связь между человеком и девиантным действием всегда есть результат определенного структурируемого процесса.

Можно сказать, что Блэк рассматривает девиантное поведение как финальную точку в процессе, состоящем из ряда стадий. Эта финальная точка выражается в виде записи об аресте и попадает в криминальную статистику, но за этой записью скрывается множество этапов, остающихся невидимыми для криминологов и юристов, полагающихся исключительно на формальный подход.

На первой стадии некое поведение может быть обнаружено или не обнаружено внутри определенной социальной группы. Далее оно может быть квалифицировано членами этой группы как девиантное (или, наоборот, признано допустимым). Члены группы могут принять решение, будут ли они воздействовать неформальными, внутригрупповыми средствами на совершившего девиантный акт человека? В этом случае ведущую роль играет, кто этот человек и какое социальное положение он занимает по отношению к группе. Если неформальный социальный контроль будет признан неэффективной мерой, они могут делегировать санкции, мобилизуя для их осуществления государственный аппарат — полицию. В этом

1 Блэк продолжит подробно развивать эту часть проблемы в своих дальнейших работах.

2 Здесь «санкционирование» понимается как применение меры воздействия на нарушителя.

случае на сцену выходит особая форма социального контроля — закон. Возможна и иная ситуация, когда некое поведение, квалифицируемое как девиантное, будет сразу же обнаружено полицейскими, минуя группу.

Появление полиции знаменует переход ситуации на новый уровень. Полицейские могут произвести арест и завести дело на правонарушителя или же отпустить его. Здесь на первый план опять выходят социокультурные характеристики нарушителя, его способ взаимодействия с полицией, а также факт, кто инициировал появление в деле полицейских.

Теоретическую разработку проблемы Блэк продолжает в своих первых самостоятельных статьях [Black, 1970; 1971]. В работе «Production of Crime Rates» Блэк вновь обращается к вопросу, откуда появляется официальная статистика правонарушений. В первую очередь из официальных рапортов, которые полицейские патрули составляют, выезжая на звонок пострадавшего или самостоятельно заметив правонарушение во время несения службы. Эти отчеты — сырой материал для показателей «преступлений, о которых известно полиции». Одновременно это и стартовая точка для передачи дела в детективное бюро, дальнейшего расследования преступления и ареста подозреваемого. По мнению специалистов в сфере права, эта статистика не полна и не отражает реальной картины.

Что же она отражает? «Легалистский подход» говорит, что в основном число совершенных правонарушений и морфологию девиантного поведения. Неполнота и неточность лишь следствие неудовлетворительного развития методологического инструментария. Социологи права либо интерпретируют ее постфактум как индекс официально зарегистрированной девиантности, либо как индекс официальных операций поддержания социального контроля. В обоих случаях вопрос о соответствии цифр реальному числу преступлений не стоит. Для этих подходов это «действительные», «актуальные» цифры [Black, 1970].

Блэк предлагает иной подход: официальная статистика преступлений отражает лишь число ситуативно детерминированных случаев, в которых взаимодействующие стороны (пострадавший, изредка преступник, но главным образом полиция) решили признать формально противозаконное деяние в качестве такового деюре. Важно изучать механизмы принятия этого решения. «Мы обращаемся со статистикой преступлений как с социальным фактом. Как с эмпирическим феноменом, обладающим собственной экзистенциальной полнотой и целостностью. Уровень преступности — это не эпифеномен. Это часть естественного мира. С такой позиции криминальная статистика не может быть оценена как „неточная“ или „ненадежная“. Она является аспектом социальной организа-

ции и социологически не может быть ошибочной… Официальный уровень преступности может быть понят как уровень признанного обществом девиантного поведения…» [Black, 1970, p. 734].

Далее Блэк вводит различение между девиантным поведением как таковым и общественно признанным девиантным поведением. По его мнению, девиантное поведение — это более общая категория. «Это поведение, которое уязвимо для социального контроля»[1] [Ibid, p. 734]. Лишь только тот случай девиантного поведения, когда оно обнаружено и подвергнуто санкциям, является общественно признанным или предполагающим, что процесс социального признания имел место.

Опять же обнаружение и санкции могут носить неформальный характер — их инстанцией будет трудовой коллектив, руководство организации, местная община, круг друзей или семья. А могут носить официальный характер с вовлечением государственной системы. В таком случае уровень преступности — это количественно выраженный уровень социально признанного, обнаруженного (число преступлений, известных полиции) и подвергнутого санкциям (число арестов и вынесенных наказаний) девиантного поведения.

В результате Блэк детально эксплицирует множество ситуативных переменных (порядка 20), влияющих на вероятность фиксации[2] полицейскими преступления и /или последующего ареста в каждом конкретном случае. Например, он установил: не существует эмпирических подтверждений того, что вероятность фиксации правонарушения или ареста афроамериканца зависит от расовых предрассудков полицейских. Сравнительно высокий уровень арестов среди цветного населения объясняется другим фактором: демонстративным неуважением афроамериканцев к стражам порядка. Блэк показал, что вероятность ареста ниже, если подозреваемый в правонарушении ведет себя по отношению к полицейским уважительно. И наоборот.

К началу 1970-х годов Блэк обнаружил множество эмпирических закономерностей, которые требовалось связать в единую картину. Исследователь словно бы нащупал две сферы, которые имеют точки соприкосновения, образуют временные эксклавы друг в друге. Первая сфера — сообщества. В них поддерживается постоянство внутренней среды — системы неформальных норм и правил[3]. Регу-

1 «Deviance is behavior that is vulnerable to social control».

2 Термин «фиксация» в данном случае используется как инструментальный синоним термина «обнаружение», показывающий, что полицейскими был составлен официальный рапорт.

3 Они во многом совпадают с зафиксированными в кодексах законами. Но нередки и прямо противоположные ситуации. Так, во многих субкуль-

лируются они также за счет неформального социального контроля (например, бесед лицом к лицу со старейшинами или авторитетными членами сообщества), некоторые типы поведения внутри них вообще не распознаются как девиантные. Вторая сфера — государство, которое способно осуществлять официальный социальный контроль как в своих интересах (например, запрещая аборты или вводя «сухой закон»), вторгаясь в пространство сообществ извне, так и по запросу отдельных членов этих сообществ, делегирующих государству этап санкций.

В точках соприкосновения двух сфер и возникает закон как социальное явление. Закон, по Блэку, это официальный социальный контроль со стороны государства. Он, словно химическое соединение, синтезируется при определенных условиях, а затем или распадается, если начинают действовать ингибиторы, или продолжает синтезироваться дальше в еще больших количествах при наличии катализаторов. Появление на сцене закона возможно только в конкретной ситуации взаимодействия людей — членов какого-либо сообщества и полиции. И в этой ситуации единовременно действуют десятки социальных переменных, ингибирующих или катализирующих его поведение. Если катализирующих переменных больше, то возникает феномен мобилизации закона.

По Блэку, мобилизация закона — это связующее звено между людьми и правовой системой, их обслуживающей или контролирующей[1]. Это процесс, посредством которого возникают судебные дела. Право не может быть задействовано само по себе. Если какие-либо действия рассматриваются как незаконные или возникает спор, то это еще не значит, что их рассмотрением займутся правовые институты. Чтобы это произошло, должен быть или запрос гражданина, на который реагирует правовой институт (реактивная мобилизация закона), или наделенные юридическими полномочиями лица могут начать действовать по собственной инициативе (проактивная мобилизация закона) [Black, 1973, p. 126, 128].

Такой подход позволяет различить закон «в потенции» как прописанную, но не задействованную правовую норму, и закон *in actu*. «Действующий закон» превращается в количественную переменную в силу доступности официальной статистики. Это дает возмож-

---

турах приветствуются и поощряются противозаконные с официальной точки зрения типы поведения. Например, курение марихуаны (а, значит, и ее хранение или выращивание) среди растаманов или публичные избиения мигрантов скинхедами.

1 Соответственно в демократических и авторитарных государствах. В будущем Блэк отдельно развернет проблематику соотношения демократии и закона в обществе.

ность ранжировать множество локальных ситуаций в соответствии с количеством мобилизованного в них закона. Можно задать их типологию и проследить динамику его мобилизации; можно продемонстрировать «градиент» закона — постепенное его повышение или понижение при переходе от одного типа ситуаций к другим и наоборот. Решения конкретных людей — потерпевших, полицейских, судей — перестают иметь значение. Если они репрезентируют определенный тип ситуаций, всегда можно сказать, пока индуктивно, что в них проявится соответствующее количество закона и соответствующий его градиент.

Следовательно, по мнению Блэка, чтобы исследовать закон как действительное социальное явление, мы должны изучать ситуации, в которых он мобилизуется. Его мобилизация зависит от множества факторов, которые исследователь поначалу считал ситуативными и вероятностными. Однако уже в середине 1970-х Блэк укладывает набор индуктивных закономерностей в прокрустово ложе дедуктивной теории, которая не только объясняла наблюдаемое, но и давала возможность для предсказания новых феноменов.

Преодолевая дисциплинарные ограничения

Прежде чем написать поворотную работу «Поведение закона», Блэк издал статью-манифест «The Boundaries of Legal Sociology», где сжато изложил свои эпистемологические предпосылки [Black, 1972].

Ранние работы Блэка, особенно в соавторстве с Рейссом, написаны в русле методологии «закон в действии». Блэк вслед за своим учителем рассматривал правовую систему как совокупность письменно зафиксированных социальных норм. Эти нормы имеют двойную онтологию. Во-первых, они существуют как кодифицированный свод упорядоченных в соответствии с логикой и здравым смыслом доктрин — писанное книжное право. А, во-вторых, как нечто живое, функционирующее внутри общества и по его законам. Кодифицированные правовые нормы, их прозрачность, внутренняя и взаимная непротиворечивость, толкование и прочее — предмет юриспруденции, «рационального легализма». Предмет же социологии права — это то, как реализуется формальная абстрактная норма в конкретной социальной ситуации. Здесь правовая норма больше не принадлежит к области юриспруденции и может изучаться только методами социологии.

Блэк проводит разграничение. Нет социологической юриспруденции как дочерней отрасли права, есть юриспруденция в чистом виде и социология, изучающая право с точки зрения своей особой и обособленной перспективы. Это первая эпистемологическая предпосылка и краеугольный камень методологии Блэка.

Второй важный тезис — невозможно построить общую теорию без опоры на эмпирический материал, т. е. наблюдений за проявлением того или иного феномена. В случае социологии права таким феноменом становится закон. Необходимо наблюдать широкий спектр его вариаций: «поведения», выраженного как количественно (уровень преступности), так и качественно (способ отправления санкций).

Третья предпосылка проводит демаркацию между психологизмом и социологическими методами объяснения. Задача оказывается сложной[1]. Блэк считает психологизм первородным грехом социологии, проистекающим из тенденции объяснять поведение людей, а не абстрагированных от них, но имеющих конкретное проявление социальных феноменов[2]. Поэтому Блэк утверждает, что социология не просто должна игнорировать психологию, но человека вообще, концентрируясь лишь на поведении социальных феноменов — закона, религии, искусства, знания, науки и т. д.

Чистая социология реконцептуализирует человеческое поведение как социальную жизнь, т. е. нечто, что не существует в человеческом сознании, не может быть объяснено целями действий. По сути социальная жизнь супраиндивидуальна, не сводится к индивидуумам и их совокупностям, а лишь реализуется на них и в них как неком субстрате. «Чистая социология» рассматривает только уникальную социальную реальность, что звучит очень дюркгеймиански, хотя сам Блэк определяет свой подход как «более „дюркгеймианский“, нежели сам Дюркгейм» [Black, 1995, p. 850].

Отсюда следует, что «чистая социология права» есть исследование и осмысление поведения закона, где закон есть сугубо социальный феномен — осуществление официального социального контроля государством с помощью специальных контролирующих и репрессивных аппаратов. Есть условия, при которых закон возникает, — ситуации его мобилизации, а затем нарастает или умень-

1 С одной стороны, психологизм проявляется как явная установка. Например, Нейл Смелзер выделяет психологический подход в числе пяти главных социологических подходов к описанию и объяснению наблюдаемых фактов [Смелзер, 1994, с. 18], а Филипп Коркюф говорит о «методологическом индивидуализме» [Коркюф, 2002, с. 20]. С другой — психологизм есть замаскированная позиция. В обоих случаях в социологии он проявляется через особое внимание к индивидам, людям, а также их мотивации, представлениям, ценностям и отношениям.

2 Позднее он покажет, что любое социологическое объяснение поведения групп или отдельных индивидуумов основывается либо на неких внутренне присущих им психологических свойствах (психологизм), либо на целях их действий (телеология), либо на индивидуалистских элементах и ориентациях (интеракционизм) [Black, 2000a; Black, 2000b]. Избежать этого невозможно, пока в фокусе внимания остается сам человек.

шается, смещаясь в социальном пространстве. В каждый момент времени и на каждом участке социального пространства исследователь может квантифицировать и квалифицировать закон, выявив специфические различия в его вариациях. Обобщив эти вариации, можно делать индуктивные предсказания о его поведении в определенной локации. Или же можно выявить глубинную структуру, детерминирующую все потенциально возможные вариации закона и, следовательно, позволяющую делать предсказания, даже не имея эмпирических данных для этого участка.

Далее, по мнению Блэка, социология права — это в лучшем случае упаковка здравого смысла в наукообразный дискурс. В худшем же — прогрессистская идеология. Отсюда проистекает четвертая эпистемологическая предпосылка — разведение научного и нормативного[1] знания, чистой науки и policy implications[2], позиций непредвзятого ученого и ангажированного выразителя интересов какой-либо группы, желающей провести реформы в свою пользу.

Блэк считает, что, если социология полагает себя наукой, она не может давать нормативных утверждений, т. е. указывать, что правильно или должно, а может лишь фиксировать и объяснять существующее положение вещей. Любая наука непредвзята. Социологический же дискурс узурпирован группами интересов, меньшинствами и маргиналами, которым наукообразность позволяет легитимировать свои требования. Такой взгляд не может претендовать на статус научного. «Очевидно, моя критика современной юридической социологии базируется на предположении, что социология — это научная дисциплина и, следовательно, может быть явным образом отграничена от моральной философии, юриспруденции или любых других нормативно-ориентированных учений. Что факты могут быть отделены от ценностей. Я не утверждаю, что не знаком с существующей критикой проектов чистой, свободной

1 В данном случае нормативность понимается двояко. Во-первых, как указание на то, что и как должна изучать социологическая наука — ограничение или, наоборот, неоправданное расширение ее предмета и объекта, выбор проблем. Во-вторых, нормативность (и это особенно касается критической социологии) рассматривается как определенная политическая и идеологическая позиция — многие социальные ученые смело заявляют проекты «справедливого устройства общества», влияют на те или иные политики внутри государства и вообще выступают скорее как рупоры и фигуры влияния конкретных групп интересов. С точки зрения Блэка, оба пункта неприемлемы для дисциплины, позиционирующей себя как научная.

2 В русском языке нет подходящего, однозначного перевода этого англоязычного понятия. Условно его можно перевести как «выводы для реализации той или иной политики по отношению к субъектам, их группам, организациям или институтам».

от ценностей социальной науки. Но, хотя я и разделяю эту критику, я не могу понять, почему из этого следует, что любые усилия, связанные с разработкой объективной науки о человеке, должны быть оставлены» [Ibid, p. 1093].

Пятая базовая эпистемологическая пресуппозиция Блэка — отказ от моральной философии в ее метафизическом и этическом ключе, элиминация ценностей и идеологической насыщенности социального знания. Традиционно, по Блэку, социология была насыщена гуманистическими интерпретациями и аргументами в большей степени, нежели научным анализом. В результате возникает разрыв между теорией и эмпирическими исследованиями. Из-за инкорпорирования философских категорий теория теряет возможность служить надежным проводником для полевых исследований[1].

При этом Блэк полагает, что ценности должны влиять лишь на то, что ученый выбирает в качестве предмета и объекта исследования, но никогда на само исследование, иначе это приведет к ценностно-обусловленным искажениям научного знания. Здесь Блэк вполне следует по стопам Георга Зиммеля и Макса Вебера. «Проблема проникновения ценностей в социологическое знание уже давно была отмечена Максом Вебером, возможно, наиболее прославленным защитником свободной от ценностей социологии. Вебер полагал, что влияние ценностей на выбор проблемы для исследования неизбежно, и это нужно учитывать, однако он настаивал, что само исследование однажды выбранной проблемы должно быть полностью безоценочно» [Ibid, p. 1093].

Это один из немногих случаев, когда Блэк открыто признает, что заимствует идеи из социологической классики. Чаще же всего он либо утверждает, что переосмыслил «отцов-основателей», либо подвергает их критике. Набор претензий тот же: классическая теория и основанные на ней современные разработки страдают методологическим индивидуализмом, психологизмом и телеологией как базовым принципом объяснения. Борьбу с телеологией в социологических объяснениях можно считать шестым базовым принципом Блэка.

Телеология, как полагает Блэк, — это суперпарадигма в социологии, которая подразумевает, что человеческое поведение имеет конечные цели или предельные смыслы [Black, 1995, p. 861–864]. С точки зрения позитивных наук, любые цели и смыслы нельзя наблюдать, зафиксировать, измерить[2]. Следовательно, отсылка

1 Блэк нередко приводит в качестве примеров такого рода Лумана и Парсонса.

2 Мало кто из людей может дать себе отчет даже в своих собственных целях и неизбежно сопутствующих им мотивах, не говоря уже о других, посто-

к целям есть метафизическая фикция, тогда как следует изучать человеческое поведение таким, каким оно нам дано, элиминируя фикционный финализм[1].

Отсюда следует последнее, седьмое методологическое требование Блэка — привести социологические методы и теорию в соответствие с требованиями естественных наук, иными словами, построить социологию в неопозитивистском ключе[2].

Амбиция Блэка — осуществить научную революцию, где в полном соответствии с воззрениями Томаса Куна «чистая социология» станет новой парадигмой. Ретроспективно анализируя эту амбицию, в одной из поздних статей он указывает, что в отличие от естественных наук социология не знала революций [Black, 2000a, p. 343–344]. Первопроходцы социологического знания — Маркс, Дюркгейм, Вебер, Зиммель — остаются идолами и авторитетами.

Что же может привести к коперникианскому перевороту? Во-первых, элиминация субъективного и телеологического. Во-вторых, поворот к изучению социальных феноменов. Блэк полагает, что социальная жизнь имеет автономную от человека онтологию. И хотя каждый актор является агентом социальной жизни, сама по себе социальная жизнь радикально отлична от них. Она подчиняется своим принципам, и главная миссия социологии как науки — их вскрыть.

ронних людях. Простой пример — в психоаналитической терапии уходят годы на выявление скрытых, неосознаваемых мотивов и вторичных выгод того или иного индивидуального поведения.

1 Термин из индивидуальной психологии Альфреда Адлера. Его смысл в том, что человек мотивируется в главной степени ожиданиями в отношении своего будущего, но эти ожидания часто являются фикциями в том смысле, что они могут быть недосягаемыми или нереализуемыми. В данном же случае некое реально существующее социальное явление объясняют через то, что, как предполагается, есть в психике людей и напрямую влияет на это явление, однако само по себе еще не существует (ибо цель может и не реализоваться) и недоступно для прямого наблюдения.

2 Сейчас под неопозитивизмом в социологии чаще всего понимают теоретико-методологическую ориентацию, опирающуюся на философские положения логического позитивизма. Ее основные принципы: 1) социальные явления подчиняются законам, общим для всей действительности — природной и социально-исторической (натурализм); 2) методы социального исследования должны быть такими же точными, строгими и объективными, как методы естествознания; 3) субъективные аспекты человеческого поведения можно исследовать только через открытое поведение (бихевиоризм); 4) истинность научных понятий и утверждений должна устанавливаться на основе эмпирических процедур; 5) все социальные явления должны быть описаны и выражены количественно; 6) социология как наука должна быть свободна от ценностных суждений и связи с идеологией.

Сделать это можно, опираясь на конвенциональную концепцию науки. Исходя из нее, социальная теория должна иметь пять характеристик: проверяемость (верифицируемость), обобщаемость, простоту, валидность и оригинальность[1]. Пока социология им не соответствует, ее нельзя считать наукой [Black, 1995, p. 831–847].

Здесь уместно обратиться к аналогии с таблицей Менделеева, которая отвечает всем указанным характеристикам. По существу, проект Блэка — это попытка сформулировать «периодический закон», который управляет социальной реальностью. Рассмотрим, каким образом Блэк решает столь масштабную задачу.

Многомерное социальное пространство Блэка

Опираясь на описанные предпосылки, Блэк выдвигает особый метод построения чистой социологии. По его мнению, все множество феноменов социальной жизни можно объяснить посредством социальной геометрии.

Под социальной жизнью следует понимать любые формы человеческого поведения (закон, самоубийство, слухи, искусство и религию), абстрагированные от конкретных акторов, взятые в массе и выраженные количественно. Любой феномен социальной жизни манифестируется в конкретных ситуациях, каждая из которых имеет свою структуру. Она складывается из социальных характеристик в ней задействованных акторов (например, интенсивности взаимодействия в прошлом или уровне благосостояния). Эти характеристики можно измерить и ранжировать, тем самым расположив акторов вдоль определенной шкалы. Каждая такая шкала у Блэка становится осью координат. Всего осей пять, и вместе они создают социальное пространство.

Отсюда следует, что определение координат на осях для каждого из включенных в ситуацию акторов (или сторон) есть их локализация в социальном пространстве. Когда акторы локализованы, можно измерить дистанцию между ними, а также установить направление, градиент, в котором движется тот или иной феномен социальной жизни по осям координат социального пространства. Как и в естественных науках, градиент выражается сугубо количественно как направление возрастания величины (например, закона).

1 Лучший пример — это математические формулы, такие, как F = ma, предельно сжато выражающие бесконечное число реальных явлений одного класса.

Все вместе — локализация акторов на осях, их взаимное расположение, градиент — дают социально-геометрическую конфигурацию манифестации социального явления. Обобщив множество конфигураций, можно получить единый паттерн, который можно выразить в теоретическом постулате. Например, «закон есть криволинейная (∩-образная) функция от социальной дистанции между акторами» [Black, 1976, p. 40–46]. Это означает, что, чем ближе акторы (члены семьи), тем меньше закона. При относительном увеличении дистанции (жители одного города) количество закона возрастает. Когда же дистанция достигает определенного порога удаленности, количество закона вновь уменьшается (оскорбления на интернет-форумах).

Можно сказать, что социальная геометрия есть особая интегральная теоретическая стратегия социологического объяснения, которая использует многомерную модель для выяснения причин вариаций поведения феноменов социальной жизни. Модель включает одновременно пять срезов переменных и пять соответствующих им теоретических подходов.

1. Горизонтальные или морфологические (например, степень и частота взаимодействий между акторами).
2. Вертикальные или стратификационные (например, неравное распределение ресурсов).
3. Корпоративные (например, степень организованности или интеграции индивидуумов в организациях).
4. Культурные (например, количество и частота символической экспрессии).
5. Нормативные (степень нахождения в прошлом под воздействием социального контроля).

Каждый из срезов социального пространства имеет истоки в классической социологической теории: вертикальный — у Маркса, а также в теориях неравенства и стратификации; горизонтальный — у Дюркгейма и Зиммеля; культурный — у Вебера, Сорокина и Мертона, корпоративный — у Вебера и в организационной теории; нормативный же имеет, вероятно, истоки в работах Парсонса и теориях социального контроля. Взятые вместе они составляют то, что Блэк называет социальным пространством [Black, 1995, p. 851–852].

Рассмотрим функционирование данной модели на конкретном примере, взяв классический для социологической теории феномен самоубийства. Поведение самоубийства, выраженное количественно в виде статистики суицидов и ее связи с социальными характеристиками суицидентов, хорошо задокументировано. Из всех измерений социального пространства мы будем использовать три: вертикально-стратификационное, горизонтально-морфологическое и культурное.

Как отмечено выше, модель позволяет применять несколько типов измерений к каждому срезу. Например, положение на оси или локализация — любой индивидуум или группа может быть размещена на вертикальной шкале в соответствии с их благосостоянием. Затем мы можем определить дистанцию между двумя произвольно выбранными индивидами или группами на оси, т. е. установить относительные различия в их благосостоянии. И последнее главное направление — градиент, т. е. изменение поведения феномена при его движении по оси в ту или иную сторону, количественно выраженная тенденция усиливаться или ослабляться при движении.

Дюркгейм показывает, что феномен самоубийства движется по вертикальной стратификационной шкале по направлению снизу вверх, интенсифицируясь в отрезке более высокого благосостояния [Дюркгейм, 1994]. Обратившись к горизонтальной морфологической шкале, мы увидим, что число самоубийств растет от более сплоченных групп к менее сплоченным. На культурной оси мы можем наблюдать U-образную кривую: число самоубийств среди высокообразованных людей относительно высоко, снижается в области среднеобразованных слоев населения и вновь повышается в малообразованных группах[1]. Таким образом, на вопрос, высока ли вероятность, что имеющий профессию бухгалтера представитель среднего класса из традиционной иудейской семьи[2] покончит жизнь самоубийством, можно дать уверенный ответ «нет», даже не имея статистики: об этом говорит его положение в социальном пространстве с учетом указанных переменных.

Можно видеть, как теоретические построения Дюркгейма переформулируются из частных положений в общую теоретическую модель Блэка. При равной валидности и, возможно, оригинальности социальная геометрия как теория обладает большей верифицируемостью и превосходит дюркгеймовскую концепцию в простоте и обобщаемости. Она предлагает устойчивую и гибкую модель, которая аналогично принципу дополнительности в квантовой механике способна инкорпорировать взаимоисключающие теоретические концепции как отдельные элементы, факторы или измерения.

---

1 Хотя и примет несколько иной качественный стиль: будет варьироваться от «рискованного» или «саморазрушительного поведения» (алкоголизм, прием дешевых — клей, насвай и тяжелых — героин — наркотиков) и до самоубийства в прямом смысле слова. Это уже более современная широкая трактовка суицидального поведения. У классического Дюркгейма движение было бы однонаправленное — от малообразованных слоев к высокообразованному населению, где количество самоубийств максимально.

2 Считается, что в них высокий уровень солидарности.

Дедуктивная теория Блэка предполагает глубинную структуру, которая детерминирует социальные феномены, позволяя исключить как односторонние интерпретации (например, экономические в духе Маркса), так и антинаучное многообразие опыта качественной и критической социологии. Эвристический потенциал предложенной модели позволяет измерять движение феноменов не только по осям, но и радиально[1]. Более того, можно рассматривать каждую переменную отдельно[2], не упуская из внимания и другие переменные, принятые в качестве констант. Так, если вернуться к вертикально-стратификационной оси, мы можем увидеть, как изменения в уровне благосостояния влияют, например, на количество домашнего насилия в условиях фиксированного положения на культурной, нормативной и прочих шкалах.

Переменные могут также рассматриваться и как действующие вместе и одновременно. Это позволяет создавать, например, дедуктивные типологии социальных условий. Возможно и обратное, когда переменные исключаются из модели, позволяя отслеживать эффекты взаимного воздействия. В этом случае одна произвольная переменная может служить для объяснения любой другой.

На построение социальной геометрии в немалой степени повлияли идеи формальной социологии Фердинанда Тенниса и Георга Зиммеля[3]. Поздние статьи Блэка пестрят ссылками на Зиммеля. Можно сказать, что под его влиянием сложилось «социологическое воображение» Блэка. Есть разительное сходство между размышлениями Блэка о двух соприкасающихся сферах (общества и государства) и размышлениями Зиммеля о трансгрессивной роли материальных объектов, замыкающих миры эстетического и практического. «Индивидуум, принадлежа закрытому кругу семьи, общины, одновременно является точкой проникновения в эти круги притязаний внешнего рода: требований государства, профессии. Государство окружает семью подобно тому, как практическая среда окружает сосуд, и каждый из ее членов уподобляется ручке, при помощи которой государство манипулирует ею для своих целей. И так же, как ручка своей готовностью к выполнению практических задач не должна нарушать единство формы вазы, так и искус-

1 Как если бы мы вписали в систему координат сферу с центром в начале осей координат. При трех измерениях это в действительности будет сфера, а движение социального феномена будет идти между осями по какому-либо из радиусов.

2 В данном случае под переменной понимается локализация на одной из осей координат, которая может смещаться вдоль нее, в то время как локализации на других осях будут жестко зафиксированы или константны.

3 В разделе «Поведение закона» мы еще коснемся этого влияния.

ство жизни требует от индивидуума, чтобы он, сохраняя свою роль в органической замкнутости одного круга, одновременно служил целям другой, более широкой общности и посредством этого служения помогал включению более узкого круга в круг, его превосходящий» [Зиммель, 2006, с. 46].

Блэк переворачивает эту логику. Члены семьи могут мобилизовать в свою пользу государственные аппараты контроля, включить широкий круг в более узкий, однако вероятность такого развития событий зависит от единства формы и конгруэнтности ролей в семье. Переход этой границы, вторжение государства в семью, свидетельствует о том, что ее геометрическая конфигурация принципиально отлична от конфигурации другой семьи, в которой мобилизация закона не произошла.

Таким образом, главное отличие Блэка от Зиммеля — ясность аналитического аппарата, который всегда включает такие переменные, как локализация акторов и феноменов; направление или градиент движения феноменов; относительная дистанция в социальном пространстве между акторами или акторами и феноменами; радиальная локализация феномена (его близость к центру социального взаимодействия); культурное и организационное направление феномена (между различными уровнями конвенциональности и корпоративности), нормативное расстояние между акторами, феноменами, акторами и феноменами (позиции на тех или иных уровнях респектабельности) и т. д. Как и таблица Менделеева на момент ее создания, социальное пространство имеет пустые векторы, куда можно включать новые переменные.

Рассмотрим, как социальная геометрия Блэка работает в сфере права и правоприменения.

Поведение закона

Именно сфера права стала главной точкой приложения социальной геометрии. Еще в статье «The Boundaries of Legal Sociology» Блэк указывает: «Закон можно рассматривать как вещь среди множества других вещей в реальном мире... Закон состоит из совокупности эмпирически наблюдаемых конкретных действий» [Black, 1972, p. 1091]. Таким образом, закон — это натуральный феномен, который следует «понимать... как осуществление официального социального контроля государством (с помощью специальных контролирующих и репрессивных аппаратов)[1]... Используя такое понятие, я могу легко

1 В оригинале «governmental social control». Существует русский перевод введения и первой главы из «Поведения закона», где это определение пере-

анализировать любой известный тип общества, охватывая все возможные действия политического тела, направленные на определение социального порядка или его защиту» [Ibid, p. 1096].

Социальный контроль — любой процесс, определяющий и выявляющий девиантное поведение, а также последующую реакцию в виде тех или иных санкций. «Официальный» можно трактовать как реализуемый посредством специальных аппаратов, которым делегировано право на санкции и насилие. Государство же понимается предельно широко — это любой управляющий и контролирующий формальный институт, способный навязывать свою волю отдельным индивидуумам и/или их неформальным группам и общностям. По сути Блэк ведет родословную таких институтов от неолитических вождеств[1] позднего палеолита.

Закон появляется в момент соприкосновения сферы сообществ, регулирующих себя изнутри, и сферы государства, осуществляющего регуляцию и контроль снаружи. Блэк нигде не приводит ссылок на Тенниса, однако трудно не заметить параллелей с категориями «общность» и «общество». У Тенниса общность зиждется на личных отношениях и конвенциональном согласии или общественном мнении; это соответствует тому, что мы бы сейчас назвали неформальными группами. В обществе же преобладают формальные институты и правовые нормы. Любая конкретная социальная организация всегда объединяет в себе свойства и общности, и общества [Теннис, 2002]. Собственно, Блэка и интересует это объединение. Он также видит социум как совокупность органических сообществ и формальных аппаратов, а социальный порядок как констелляцию неформального и официального социального контроля. Однако в отличие от Тенниса Блэк дает позитивный инструмент, позволяющий описать как саму констелляцию, так и ее

водится так: «право — социальный контроль, осуществляемый в контексте национального управления (государства)». Я считаю этот перевод ошибочным. Во-первых, замена «закона» на «право» невозможна, так как закон у Блэка — это важный термин, за которым стоят четкие коннотации, отличные от права. Это все равно, что переводить квантовую механику как порционную механику. Во-вторых, «государство» Блэк, мы это увидим ниже, трактует очень широко, и национальное управление лишь частный случай из сотен других. Так, например, под «государством» может выступать «полиция бизонов» — временный орган, создаваемый несколькими племенами современных индейцев во время сезонных загонных охот на бизонов. Этот орган разрешает все возможные конфликты между представителями разных племен в ходе охоты. Можно ли его считать национальным управлением? Сомнительно.

1 Автономных политических единиц, включающих в себя несколько деревень или общин, объединенных под постоянной властью верховного вождя.

влияние на феномены социальной жизни. Этот инструмент — натурализация и квантификация[1].

Итак, закон — это натуральный феномен. Он натурален в том смысле, что существует объективно в виде наблюдаемых эмпирических действий. Эти действия поддаются учету и измерению. Следовательно, объективные проявления закона есть количественная переменная, а значит закон можно квантифицировать. Изменения в его количестве в том или ином контексте, а также градиент этих изменений суть поведение закона. «Закон — это исчислимая, количественная переменная,... и количество закона варьируется в пространстве и времени» [Black, 1976, p. 3].

Когда Блэк заявляет о законе как о количественном явлении, он рассматривает его на всех уровнях взаимодействия правовой системы и общества. Как мы уже знаем, вызов полиции — это мобилизация индивидом или группой закона, привлечение в ситуацию силового, принудительного аппарата государства. Закон возникает в этот момент; далее его количество может возрастать или падать. «В общем виде объем закона определяется числом и масштабом запретов, обязательств и других норм, которым люди вынуждены подчиняться, а также уровнем законодательной активности, судебных разбирательств и приговоров. Будучи количественной переменной, закон состоит из всего этого, но предполагает и еще нечто большее» [Ibid, p. 3].

Варьироваться закон может не только через увеличение или уменьшение количества, но и посредством изменения стиля реализации в зависимости от географического и культурного контекста. Блэк выделяет четыре стиля официального социального контроля: карательный (penal), компенсаторный (compensatory), терапевтический (therapeutic) и примиренческий (conciliatory). Каждый стиль предполагает свой способ определения девиантного поведения и реакции на него. Карательный стиль реализуется посредством запрета определенных видов поведения и реагирует на них наказанием. Компенсаторный стиль включает финансовые обязательства и требования, т. е. виновная сторона должна в первую очередь не понести наказание, но компенсировать причиненный ущерб. Обе формы социального контроля носят абсолютный характер: любое отклонение

1 Возвращаясь к примеру с самоубийством, мы, проследив его «поведение», выраженное количественно, можем получить точную картину социальной сплоченности и солидарности в данном обществе. Ее зависимости от материального благосостояния, образования, относительной дистанции между людьми. Верно и обратное: зная картину сплоченности и солидарности, мы можем предсказать «поведение» самоубийства. И это будут не голословные утверждения, а фактически и статистически обоснованные суждения.

исправляется либо посредством установленного наказания, либо выплаты. В противоположность этому терапевтический контроль направлен на приведение девианта к нормативному, социально приемлемому состоянию, а примиренческий стиль заключается в установлении согласия между участниками конфликта.

Стиль реализации и количество закона может объяснить и предсказать через пять описанных срезов переменных, которые задают социологическую перспективу анализа: морфологию, стратификацию, организацию, культуру и социальный контроль.

Каждый срез операционализируется в конкретных понятиях.

1. Горизонтальный морфологический: раса, этничность, статус по рождению (местный или приезжий), семейное положение.
2. Вертикальный стратификационный — социоэкономический статус или социальный класс.
3. Корпоративный, если в разбирательстве о преступлении участвуют группы, то размер, структура, организованность, сплоченность групп может быть фактором, влияющим на поведение закона.
4. Культурный: порядочность, благопристойность, уровень культуры и образования.
5. Нормативный — способы социального контроля, с помощью которых люди принуждают других людей оставаться в рамках определенного поведения без привлечения закона (например, вызова полиции).

Суждения о связи между поведением закона и конкретными конфигурациями социального пространства Блэк высказывает в афористичной форме: «количество закона меняется обратно пропорционально другим формам социального контроля» [Ibid, p. 6]. Иными словами, существует множество ситуаций, где количество закона меньше, а социального контроля больше, например, в семье, среди соседей, в маленьких общинах и деревнях, молодежных группировках, чеченских тейпах и т. д. Однако могут быть и обратные примеры. Так, скажем, если родители в небольшом богатом пригородном районе мегаполиса разрешают своим отпрыскам гонять на машинах на высокой скорости, а обеспокоенным соседям заявляют, что это не их дело, то последние вполне могут обратиться в полицию. Это увеличивает количество закона в сфере, где изначально доминируют другие формы социального контроля.

Приведем другой пример. Поведение в общественных местах российских мегаполисов подчиняется определенным конвенциональным культурным нормам. Исполнение лезгинки приезжими с Северного Кавказа под громкую музыку воспринимается местными жителями как нарушение порядка. При этом жители могут задействовать три стратегии — игнорирование танцующих и тем

самым их косвенное поощрение, разъяснение местных норм в частном порядке (неформальный контроль), обращение в полицию, которое ведет к увеличению закона. Каждая из перечисленных стратегий характеризует социальный порядок в данном конкретном мегаполисе и обществе в целом.

Это возвращает нас к проблеме обнаруженного и необнаруженного девиантного поведения, а также к вопросу о его социальном признании. По мнению Блэка, действие закона является частью более обширного поля действия социального контроля. Если количество закона увеличивается, следовательно, социальный контроль терпит фиаско в данной зоне общественной жизни.

Социальный контроль касается преимущественно неформально обнаруженного и санкционированного девиантного поведения, но еще не преступного. Появление на сцене полиции означает, что определенное поведение уже социально признано преступным, и патрульным остается лишь конституировать этот факт. Вмешательство закона всегда превращает девиации в преступления и автоматически увеличивает его количество.

И вновь имеет силу обратная логика. Допустим, мигранты с Северного Кавказа убивают болельщика футбольного клуба. Их задерживает наряд полиции, но спустя непродолжительное время отпускает. В этом случае количество закона уменьшается, а поведение декриминализуется. Если бы члены объединения болельщиков стали трактовать это поведение так же, как и правоохранители, то они должны были использовать соответствующие меры неформального социального контроля — самосуд. Однако они вышли на митинг к Следственному комитету, требуя арестовать убийц, и тем самым увеличили количество закона.

Вернемся к анализу влияния срезов переменных на поведение закона. Первое интересующее нас измерение социального пространства — вертикально-стратификационное.

Согласно Блэку, чем выше экономическая стратификация данного общества, тем больше количества закона в нем [Ibid, p. 13]. При этом существует прямая взаимосвязь между количеством и направлением (градиентом) закона и стратификацией. Так, если жертва преступления из более высокого социального класса, а преступник из более низкого, то вероятность мобилизации закона и увеличения его количества очень высока (вызов полиции, регистрация заявления, заведение дела и т. д.). В обратных ситуациях, например, при сексуальных домогательствах богатых домовладельцев к прислугам-мигрантам из стран третьего мира мобилизация закона вероятна гораздо меньше.

Здесь важно не допустить упрощенной персоналистской интерпретации. Социоэкономический статус не есть свойство индивидов

как таковых. Конкретные преступник и потерпевший репрезентируют две вовлеченные в конфликт страты. Их позиция друг относительно друга выражает определенную социально-геометрическую конфигурацию, которая диктует диапазон возможных толкований ситуации, детерминирующих поведение закона.

Представим себе следующий случай: у крупного бизнесмена и депутата угоняют со стоянки возле Охотного ряда автомобиль. В первом случае вором оказывается недавно приехавший из средней полосы России временно неработающий выпускник ПТУ. Во втором случае выясняется, что угонщик — другой депутат-бизнесмен, который вскоре приходит с повинной и объяснением, что машина ему понадобилась, чтобы отвести в больницу пожилого человека, которому стало плохо на улице.

Мы имеем одинаковое преступление — угон машины. Одну и ту же жертву. Один тип преступного поведения. Идентичный материальный ущерб. Однако его интерпретация самими участниками конфликта и обычными, не вовлеченными в него людьми, а также правоохранительными органами будет едва ли не диаметрально противоположной. Эта интерпретация будет в полной мере отражать стратификационную структуру общества и относительную взаимную дистанцию по вертикальной шкале между потерпевшим и подозреваемым. Первая конфигурация задействует максимальное количество закона, а вторая минимальное. Можно сказать: чем дальше относительная дистанция между участниками конфликта по стратификационной шкале, тем большее количество закона вовлекается в разбирательство между ними, а его градиент всегда направлен сверху вниз — от высших слоев к низшим. Чем дистанция ближе, тем закона становится меньше.

Важно отметить следующий момент. Как и закон, преступление имеет свое направление, и оно всегда противоположно градиенту закона. Если последний движется сверху вниз, то преступление — снизу вверх. Так происходит потому, что внутри низших слоев большое количество случаев девиантного поведения не обнаруживается, социально не признается таковым либо к его санкционированию не привлекается полицейский аппарат государства. Девиантность не конституируется в качестве преступности. Аналогично происходит и внутри высших страт. Но при их соприкосновении количество закона всегда значительно, и он чаще всего на стороне высшей страты. Спускаясь вниз, закон влечет за собой признание многих девиантных форм поведения в качестве преступных, отсюда возникает восходящий рост преступности.

Блэк также вводит понятие пристрастности закона. Оно вовсе не означает, что кто-то сознательно выносит решения в пользу богатых. Пристрастность — количественная характеристика. Она демон-

стрирует, сколько раз были заведены дела по заявлениям представителей высших страт, а сколько — по заявлениям низших, сколько раз судьи вынесли решения в пользу богатых истцов, а сколько — в пользу бедных и т. д. Выясняется, что закон всегда «благоволит» верхушке общества и «жесток» к низам. Это обусловлено самой стратификационной структурой[1].

Возвращаясь к разнонаправленным градиентам закона и преступления, нельзя не отметить, что огромный пласт преступности в легалистском смысле, такой, как нарушения прописанных в законе норм, остается просто скрытым. Те же филиппинские домработницы, плохо говорящие по-английски, вряд ли вызовут полицию и напишут заявления в ответ на домогательства работодателей.

Следующий срез переменных: горизонтально-морфологический. Важнейшими свойствами этого среза являются относительное расстояние; разделение труда; социальные сети, тесные связи и интеграция. Уровень дифференциации среди членов общества связан с количеством закона и описывается криволинейно. Блэк опирается на воззрения Дюркгейма. Там, где разделения не существует, количества закона мало. Там же, где разделение труда есть и люди становятся взаимозависимыми, то и количество закона достигает высочайшего уровня. Наконец, если характер взаимозависимости между субъектами становится симбиотическим[2], то количество закона вновь снижается.

Вслед за разделением труда Блэк рассматривает и относительную дистанцию между людьми. Она также влияет на количество закона в криволинейной форме. Блэк пишет: «Взаимоотношения между законом и относительной дистанцией между людьми носят криволинейный характер» [Black, 1976, p. 41].

На этот раз Блэк отталкивается от взглядов Зиммеля, который объясняет изменения во взаимодействии людей через понятие дистанции [Зиммель, 2008, с. 9–15]. Если между людьми существует тесная взаимосвязь — количество закона невелико. Если социальная дистанция огромна, как, например, по отношению к жителям других стран, то и в этом случае количество закона также будет стремиться к нулю. Однако в случае с зиммелевским «чужаком»,

1 По сути, это очень марксистский тезис. Он означает, что какие бы реформы правовой системы мы не проводили, пока существует данная стратификационная структура, закон в любом случае будет вести себя в соответствии с ней. Чтобы изменить правовые отношения, необходимо произвести революционные преобразования в самом обществе.

2 Они начинают полностью зависеть друг от друга и нарушать какие-либо договоренности, им совершенно не выгодно, так как это ударит по ним самим.

который географически и физически близок, но остается удаленным, в этом единстве близости и удаленности количество закона резко возрастает. Чужак далек в том смысле, что неформальный социальный контроль не может действовать на него эффективно (как в примере с лезгинкой), но он достаточно близок, чтобы применить к нему закон.

Иными словами, относительная дистанция варьируется в зависимости от культурной и физической близости. Закона мало, если люди не могут физически контактировать, хотя современные технологии сжимают географические границы и это правило не работает столь определенно.

Третий аспект социальной морфологии, также влияющий на поведение закона, — интеграция. Тесно интегрированные в социальных группах люди мобилизуют меньше закона, чем слабо интегрированные. Однако, если они задействуют закон, то его применение оказывается гораздо более эффективным. Если закон выходит за рамки функционирования внутри определенной группы хорошо интегрированных между собой лиц (например, религиозной общины или диаспоры), то с учетом того, кто им противостоит в конфликте, можно предсказать его суровость и тяжесть наказания. Если жертва более интегрирована, чем преступник, закон будет более суров. Если же жертва менее интегрирована, чем преступник, то закон и наказание будут мягче.

Здесь Блэк использует иные координаты и направления, нежели в стратификационной шкале. Он выделяет хорошо интегрированный центр и слабо интегрированную периферию. В этой конфигурации направление движения закона или преступления может быть как центростремительным, так и центробежным. Обратимся к конкретному примеру.

Представим, в небольшой российский город на крупную стройку приезжают гастарбайтеры из разных регионов мира. Местное население представляет собой хорошо интегрированную центральную группу, вокруг которой располагается периферия слабо интегрированных гастарбайтеров. Как-то ночью подвыпивший приезжий, перепутав дома, пытается вломиться в ворота чужого владения. Хозяин — местный житель, приняв его за грабителя, стреляет и убивает гастарбайтера. В данном случае движение девиантного поведения носит центробежный характер, а движение закона, так как скрыть убийство почти невозможно и оно всегда обнаруживается, — центростремительный. Закон мобилизован, деяние квалифицировано как убийство, но так как количество закона возрастает от центра к периферии, а не наоборот, действия жителя квалифицируется как превышение рамок необходимой самообороны, и он получает минимальное наказание.

Обратная ситуация: гастарбайтер на дискотеке в драке сбивает с ног противника, и тот, неудачно упав, ломает основание черепа и умирает в больнице. Так как закон здесь движется центробежно, а девиантное поведение — центростремительно, то приехавшего на заработки иностранца осуждают за предумышленное убийство на максимальный срок. «Преступления маргиналов против хорошо интегрированных людей или групп всегда рассматривается как более серьезное, нежели преступление в обратную сторону» [Ibid, p. 50].

Третий срез переменных — культурные различия — также могут объяснять и предсказывать количество закона. Чем более развита культура внутри определенного общества (понимаемого географически), тем больше закона. По Блэку, эти переменные коррелируют напрямую. В то же время, если в данном обществе наблюдается высокое разнообразие разных культур, количество закона будет очень высоко. Дело в том, что культура есть резервуар ценностей сообщества, обеспечивающий схожее понимание «правильного» и «хорошего». Поэтому если общество культурно гомогенно, оно естественным образом нуждается в меньшем количестве закона. Однако, если общество культурно гетерогенно, то количество закона неизбежно возрастает.

В межгрупповых конфликтах между различными культурными группами, обладающими разным количеством культуры, количество закона движется по направлению к более слабой культуре. На ее участке закон интенсифицируется. Таким образом, закон дает преимущества культурной элите и наносит больше ущерба группе со слабой культурой. Примером такого рода неравенства может служить сексуальное насилие над детьми в Римско-католической церкви. В связи с тем, что церковные иерархи имеют высокий культурный статус, они несут меньшую ответственность перед национальным судом.

В то же время сами культурные элиты эффективно мобилизуют закон и добиваются суровых наказаний для своих обидчиков. Хорошим примером может служить суд над Pussy Riot. РПЦ смогла добиться крайне сурового приговора для девушек, чье деяние в иных условиях могло не повлечь даже морального осуждения.

Для предсказания количества закона важно культурное различение конвенционального и нонконформистского. Закон «благоволит» общепринятому. Те, кто придерживаются неформального образа жизни, будут чаще становиться субъектами воздействия закона на разных уровнях, нежели обыватели. Их будут чаще задерживать, строже наказывать, чем обычных людей. В сущности, представители любых субкультур ставят себя в группу риска по отношению к воздействию закона.

Четвертый срез переменных — корпоративный — означает способность к коллективным действиям. Количество закона напрямую зависит от сложности социальной организации. С увеличением организованности общества количество закона возрастает, одновременно повышается и вероятность его мобилизации. Более того, хорошо организованные группы начинают использовать закон для получения преимуществ перед менее организованными; обратный процесс наблюдается гораздо реже. Хороший пример — трудовые конфликты между работодателем и наемными работниками, неорганизованными или же организованными в профсоюзы. В первом случае работодатели выступают как организованная группа против неорганизованных рабочих. Во втором случае борются две организованные группы. Для организации всегда легко возбудить дело против работника, работнику же в одиночку это неимоверно трудно. Организация с большими ресурсами и опытом судебных тяжб скорее выиграет дело против слесаря 4-го разряда, нежели слесарь засудит завод за вредные условия работы.

Главное в этом срезе — различие в стилях реализации права разными сторонами. Организация скорее будет использовать по отношению к индивидууму карательные меры. Индивидуум будет стараться получить от корпораций материальную компенсацию вместо того, чтобы добиваться тюремных сроков для ее руководителей.

Пятый срез переменных касается социального контроля. Он бытует в двух базовых формах: бюрократической и неформальной. Рабочее место — это пример бюрократического социального контроля. Даже если правила работы лежат вне установленных в данном обществе законов, они выражены в виде явных указаний и общепринятой политики внутри организации. Неформальный социальный контроль более неуловим. Он состоит из множества ожиданий, присущих социальной группе по отношению как к ее членам, так и другим людям. В действительности неформальный социальный контроль существует постольку, поскольку эти ожидания эффективно контролируют человеческое поведение. Семейные кланы, круги друзей, группы единомышленников и другие сплоченные группы производят данный тип контроля.

Однако неформальный социальный контроль может носить иные формы. Например, деловые отношения между незнакомцами могут в итоге перерасти в симбиотические отношения. И хотя ставки высоки, они не нуждаются в мобилизации закона или бюрократическом контроле, поскольку взаимовыгодно взаимодействуют и таким образом осуществляют взаимную регуляцию. В качестве примера можно привести неформальную систему финансовых расчетов «хавала» или систему правил торговли «мезрак» [Гирц, 2004, с. 13–15]. Нет нужды в законе, когда сильны иные виды социального контроля.

Заключение

В данной статье предпринята первая в отечественной социологии попытка историко-теоретической реконструкции «чистой социологии» Дональда Блэка. Вначале Блэк придерживался традиционного для своего времени правового реализма или социологической юриспруденции. Участие в крупном полевом исследовании правоохранительных органов дало ему возможность проанализировать беспрецедентное число реальных выездов полицейских на место преступления. Опираясь на теоретический ресурс антропологии, Блэк рассмотрел полученные данные сквозь призму разных сообществ и форм политического устройства. В результате исследователь пересмотрел ряд ключевых понятий социологии права: девиантного поведения, социального контроля, криминальной статистики и закона.

Блэк предложил понимать закон как феномен социальной жизни, который манифестируется в ситуациях взаимодействия людей, но к ним не сводится; он поддается абстрагированию и количественному учету. Исследователь продемонстрировал, что закон как явление возникает в точке соприкосновения неформальных групп и формальных институтов. Закон, таким образом, есть форма социального контроля, осуществляемая внешним официальным аппаратом государства. Статистика преступлений не есть зыбкое отражение реальной совокупности преступлений, но четкая количественная характеристика поведения закона: его мобилизации и дальнейшего нарастания или угасания. В таком понимании закон становится своего рода натуральным феноменом, чье поведение можно изучать, как изучается рост или гибель бактериальной культуры в разных средах.

Как и чем определяются эти среды в случае закона? Отталкиваясь от классификации и типологизации эмпирических ситуаций, Блэк приходит к идее, что все среды можно уложить в социологическую таблицу Менделеева. Чтобы ее построить, необходимо опереться на ряд методологических предпосылок. Такими предпосылками стали выделение предмета социологии права и разрыв с рациональным легализмом; опора в построении теории на эмпирические данные; элиминация психологии и человека как такового; отказ от нормативности и идеологии; очищение от метафизики; развенчание телеологии; главенство позитивного научного метода.

Применив предпосылки к существующим стратегиям социального объяснения, заимствованным у Маркса, Дюркгейма, Зиммеля, Вебера, Тенниса и некоторых других теоретиков, Блэк создает универсальную позитивистскую машинерию анализа любых социальных феноменов — модель социальной геометрии. Основанные

на ней способы анализа социальных феноменов и конструирования теоретических положений Блэк назвал чистой социологией.

Основным испытательным полигоном для социальной геометрии оказалась сфера права и правоприменения, где Блэк выдвигает концепцию «поведения закона». Исследователь показал, как (предсказуемо) манифестируется и действует закон в определенных условиях. Каждая конкретная ситуация определяется положением акторов на осях социального пространства, относительной дистанцией между ними и градиентом движения закона. Однако эта модель еще ждет своего испытания на российском материале.

Библиография

Гирц К. (2004) *Интерпретация культур*, М.: РОССПЭН.

Дюркгейм Э. (1994) *Самоубийство. Социологический этюд*, М.

Зиммель Г. (2006) Ручка. Эстетический опыт. В. С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: Территория будущего: 43–47.

Зиммель Г. (2008) Экскурс о чужаке. А. Ф. Филиппов (ред.). *Социологическая теория: история, современность, перспективы*, СПб: 9–15.

Коркюф Ф. (2002) *Новые социологии*, СПб: Алетейя.

Смелзер Н. (1994) *Социология*, М.: Феникс.

Теннис Ф. (2002) *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*, СПб: Владимир Даль.

Baumgartner M. P. (2001) The Sociology of Law in the United States. *The American Sociologist*, 32 (2): 99–113.

Black D. (1970) Production of Crime Rates. *American Sociological Review*, 35 (4):733–748.

Black D. (1971) The Social Organization of Arrest. *The Stanford Law Review*, 23 (6): 1087–1111.

Black D. (1972) The Boundaries of Legal Sociology. *The Yale Law Journal*, 81 (6): 1086–1100.

Black D. (1973) The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*, 2 (1): 125–149.

Black D. (1976) *The Behavior of Law*, N. Y.: Academic Press, Inc.

Black D. (1995) The Epistemology of Pure Sociology. *Law & Social Inquiry*, 20 (3): 829–870.

Black D. (2000a) Dreams of Pure Sociology. *Sociological Theory*, 18 (3): 343–367.

Black D. (2000b) The Purification of Sociology. *Contemporary Sociology*, 29 (5): 704–709.

Black D. (2004) The Geometry of Terrorism. *Sociological Theory*, 22 (1): 14–25.

Collins R. (2002) Black's Contributions to a General Theory of Conflict. *Contemporary Sociology*, 31 (6): 655–658.

Curriculum Vitae: Donald Black (2014).

In Memoriam: Albert J. Reiss Jr. Work Led to Reforms in Policing (2006). *Yale Bulletin & Calendar*, 34 (29).

Kuhn T. S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago.

Marshall D. (2008) The Dangers of Purity: On the Incompatibility of «Pure Sociology» and Science. *The Sociological Quarterly*, 49 (2): 209–235.

Michalski J. (2008) The Social Life of Pure Sociology. *The Sociological Quarterly*, 49 (2): 253–274.

Reiss Jr., Black D. (1967) Interrogation and the Criminal Process. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 374: 47–57.

Reiss Jr., Black D. (1967) Patterns of Behavior in Police and Citizen Transactions. *Studies in Crime and Law Enforcement in Major Metropolitan Areas. A Report to the President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice.* Field Surveys III, Vol. 2. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office: 1–139.

Reiss Jr., Black D. (1970) Police Control of Juveniles. *American Sociological Review*, 35 (1): 63–77.

Treviño J. A. (2001) The Sociology of Law in Global Perspective. *The American Sociologist*, 32 (2): 5–9.

Turner J. (2002) Why are Elegant Theories Under-Utilized by Sociologists? *Contemporary Sociology*, 31 (6): 664–668.

Turner S. (2008) How Not to Do Science. *The Sociological Quarterly*, 49 (2): 237–251.

References

Geertz K. (2004) *Interpretatsiia kul'tur* (The Interpretation of Cultures), M.: ROSSPEN.

Durkheim E. (1994) *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etuid* (Suicide: a Study in Sociology), M.: 1994.

Simmel G. (2008) Ekskurs o chuzhake (The Stranger). Pod redaktsiei A. F. Filippova. *Sotsiologicheskaia teoriia: istoriia, sovremennost', perspektivy* (The Sociological Theory: the history, the contemporary state and the future), SPb: 9–15.

Simmel G. (2006) Rutchka. Esteticheskiy Opyt (The Handle). Edited by V. S. Vakhshtayn. *Sotsiologiya Veshey*, M.: «Territoriya Budushego» Publishing house: 43–47.

Corcuff P. (2002) *Novye sotsiologii* (The New Sociologies), SPb: Aleteiia.

Smelser N. (1994) *Sotsiologiia* (Sociology), M.: Feniks.

Tönnies F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye poniatiia chistoi sotsiologii* (Community and Society), SPb: Vladimir Dal'.

Baumgartner M. P. (2001) The Sociology of Law in the United States. *The American Sociologist*, 32 (2): 99–113.

Black D. (1970) Production of Crime Rates. *American Sociological Review*, 35 (4):733–748.

Black D. (1971) The Social Organization of Arrest. *The Stanford Law Review*, 23 (6): 1087–1111.

Black D. (1972) The Boundaries of Legal Sociology. *The Yale Law Journal*, 81 (6): 1086–1100.

Black D. (1973) The Mobilization of Law. *The Journal of Legal Studies*, 2 (1): 125–149.

Black D. (1976) *The Behavior of Law*, N. Y.: Academic Press, Inc.

Black D. (1995) The Epistemology of Pure Sociology. *Law & Social Inquiry,* 20 (3): 829–870.

Black D. (2000) Dreams of Pure Sociology. *Sociological Theory,* 18 (3): 343–367.

Black D. (2000) The Purification of Sociology. *Contemporary Sociology,* 29 (5): 704–709.

Black D. (2004) The Geometry of Terrorism. *Sociological Theory*, 22 (1): 14–25.

Collins R. (2002) Black's Contributions to a General Theory of Conflict. *Contemporary Sociology,* 31 (6): 655–658.

In Memoriam: Albert J. Reiss Jr. Work Led to Reforms in Policing (2006). *Yale Bulletin & Calendar,* 34 (29).

Kuhn T. S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago.

Marshall D. (2008) The Dangers of Purity: On the Incompatibility of «Pure Sociology» and Science. *The Sociological Quarterly*, 49 (2): 209–235.

Michalski J. (2008) The Social Life of Pure Sociology. *The Sociological Quarterly*, 49 (2): 253–274.

Reiss Jr., Black D. (1967) Interrogation and the Criminal Process. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 374: 47–57.

Reiss Jr., Black D. (1967) Patterns of Behavior in Police and Citizen Transactions. *Studies in Crime and Law Enforcement in Major Metropolitan Areas. A Report to the President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice.* Field Surveys III, Vol. 2, Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office: 1–139.

Reiss Jr., Black D. (1970) Police Control of Juveniles. *American Sociological Review*, 35 (1): 63–77.

Treviño J. A. (2001) The Sociology of Law in Global Perspective. *The American Sociologist*, 32 (2): 5–9.

Turner J. (2002) Why are Elegant Theories Under-Utilized by Sociologists? *Contemporary Sociology*, 31 (6): 664–668.

Turner S. (2008) How Not to Do Science. *The Sociological Quarterly*, 49 (2): 237–251.